

УДК 812.16+ 812.161-1
DOI: 10.17223/19986645/65/13

С.М. Климова

**«Я ПОТЕРЯЛ ПАМЯТЬ ВСЕГО, ПОЧТИ ВСЕГО
ПРОИШЕДШЕГО... КАК НЕ РАДОВАТЬСЯ ПОТЕРЕ?»
(РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЧЕТЫРЕХ БИОГРАФИЯХ
Л.Н. ТОЛСТОГО В СЕРИИ ЖЗЛ)¹**

Исследуются 4 биографии Л.Н. Толстого в серии ЖЗЛ. Первая, прижизненная, биография появилась в 1894 г., последняя – в 2017 г. Предметом анализа стал создаваемый биографами «массовый» образ Толстого, рассмотренный сквозь призму конкретного, идеологически заряженного времени, отражающего исторический запрос на героический образ. Специфической задачей стало рассмотрение «общественной», отражающей специфику времени и «публичное» мнение массового читателя биографии, как реальной, так и вымышленной, созданной по законам авторского творчества, зачастую носящего мифологический характер.

Ключевые слова: ЖЗЛ, Толстой, общественное мнение, мифология, биографические парадигмы.

В название статьи вынесено автопризнание Л.Н. Толстого из дневниковой записи от 23 октября 1910 г. До окончательного земного ухода оставалось совсем немного, и он уже давно не имел своей, автономной от публики, биографии. Разговору о такой «общественной биографии», отражающей пристрастия времени и мнение массового читателя, и посвящена работа.

Исследовательский интерес сосредоточен на четырех биографиях Л.Н. Толстого в издательской серии *Жизнь замечательных людей* (ЖЗЛ). Первая, прижизненная, появилась в 1894 г., последняя – в 2017 г. В стороне осталось огромное количество мемуарных и биографических исследований, дневниковых и автобиографических записей, существующих помимо этой серии. В ней же нам интересен не столько литературоведческий анализ, достоверность или строгость аргументации, сколько создаваемый биографами серии «массовый» образ Толстого, преломленный в контексте конкретного, идеологически заряженного времени, отражающего исторический (политический) запрос на героический образ.

Введение. Идеология ЖЗЛ в интерьере истории

Безусловно, издательское дело направлено, помимо прочего, на *формирование общественного мнения и развитие общественного вкуса*. В 1890 г. просветитель-демократ Ф.Ф. Павленков решил организовать издание серии дешевых книг, руководствуясь гуманистической идеей просвещения и

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00100).

воспитания самых широких слоев общества. Главным критерием отбора «замечательных людей» стал исторический и прогрессистский уклон деятельности героя [1].

Целевой аудиторией была рабочая и разночинная молодежь. Павленков стремился к созданию *биографических очерков* в своей серии, стараясь максимально отдалить авторскую позицию биографа от жизни его героя. Тем не менее идеология народничества превалировала, как и их идея вдохновлять толпу героями [2. С. 5]. Первая биография Л.Н. Толстого, написанная Е.А. Соловьевым в 1894 г., убедительно подтверждает это.

Прерванная известными историческими событиями в 1915 г. серия была возобновлена в 1933 г. М. Горьким и носила явно выраженный воспитательно-идеологический характер; целевая аудитория – младшие школьники и юношество. Вполне закономерно, что в 1936 г. незадолго до смерти Горький просит генерального секретаря ЦК ВЛКСМ А.В. Косарева взять под опеку серию («Молодая гвардия» была издательством ЦК ВЛКСМ). «Можно сказать, что Горький следовал в русле русской педагогической мысли, которая искала путей к направленному воспитанию нового поколения на жизнях и образах великих. Но он связывал с биографией, массой биографий – еще более дерзкие надежды, на духовное и социальное преобразование России, ибо надеялся с ее помощью способствовать формированию “новорожденных людей”» [3. С. 81].

Между биографическими проектами Павленкова и Горького, с одной стороны, наблюдалась преемственность, характерная для научно-популярной серии, направленной на просвещение / воспитание народа через образцы для подражания. С другой стороны, произошла смена биографической парадигмы. Вместо биографических очерков стали создаваться *научно-популярные биографии* воспитательного характера. В расчет новой ЖЗЛ входила сознательная ориентация на тривиализацию жанра биографии, причем как исторической, так и литературной [4. С. 442–443]. Возникло то, что позже будет названо «щадящая» или идеализированная шаблонная биография.

Горький настаивал на том, чтобы в биографиях везде, где можно, *сближать прошлое с настоящим*, делать любую историю актуальной. В такой установке как минимум два прочтения. Первое – *идеологическое*, при котором вся история человечества превращается в предысторию «грядущего» – социалистического строительства, а все герои серии становятся невольными «борцами» за это светлое будущее. Второе – *мифотворческое*: герой биографии становился объектом особой конструкции с целью воздействия на массы. Идеологическое и мифотворческое, как правило, тесно связаны.

Интенции горьковской ЖЗЛ разнятся во времени. В 1930-е гг. биографии были ориентированы на *эпоху* (главными персонажами были герои революции), в начале 1950-х – на *дело*, которым занимался герой (главными персонажами стали деятели науки), а в начале 1960-х – на *индивидуальность*, на неповторимость самой личности во всем многообразии ее жиз-

ненных и творческих обстоятельств [3]. Эти годы, особенно оттепель, стали и всплеском, и концом гуманистической веры в социализм с человеческим лицом. «Будет дан голос и пропагандистам индивидуализма, и оппонентам его. Во главу угла окажутся поставлены вопросы совести и долга, смысла жизни, потому что социальная отзывчивость, как и взгляд внутрь себя, одинаково свойственны этим людям» [Там же. С. 202].

Именно в это переходное время В.Б. Шкловский пишет вторую биографию Толстого, воспроизводя в ней некоторые приемы формальной школы, пытаясь написать *жизнь замечательного человека* сквозь призму конкретно-исторического, а не только идеологического, времени.

В 1990-е – начале 2000-х, когда в одиночестве распалась целая эпоха и страна оказалась не только в политическом, но и в жестком ценностно-антропологическом кризисе, имя Толстого вновь оказалось востребованным в серии ЖЗЛ. В 2006 г. вышла биография, написанная двумя учеными-литературоведами – А.М. Зверевым и В.А. Тунимановым. Судьба авторов оказалась трагичной – оба не дожили до выхода книги из печати. В разговоре о Толстом так и не было поставлено окончательной точки.

Последняя биография вышла в 2017 г. в малой серии ЖЗЛ. Ее автор – известный современный писатель П.В. Басинский, издавший своеобразную трилогию о Толстом [5–7], которая принесла ему славу «ученого-толстоведа». Его имя давно стало залогом высоких продаж. Он – идеальный ретранслятор представлений о замечательной личности с точки зрения «новых» общественных вкусов и общественного мнения.

Данные отступления важно учитывать при размышлении о четырех толстовских биографиях в ЖЗЛ.

Первая биография Толстого: Евгений Андреевич Соловьев (1863–1905)

Первая биография была написана известным в свое время литературным критиком Е.А. Соловьевым¹. Соловьев отстаивал позицию сословного (классового) подхода с явно марксистским уклоном; рассматривал литературу сквозь призму освободительных идей «личности и личностного начала» [8. С. V]. В духе своей сословной теории он объясняет значимость русской литературы, в том числе и толстовской «Войны и мира», наличием крепостнической системы и рабского труда в России, благодаря чему «русская литература за какие-нибудь полстолетия стала классической» [Там же. С. 35].

Соловьевская идейная позиция и стала определяющей в первой прижизненной биографии Л.Н. Толстого в ЖЗЛ² (автор напечатал ее под псевдонимом В. Смирнов). Следует напомнить и о его личном фрагментарном

¹ Псевдонимы писателя: Ан., Анд., Андреевич., Мирский, Скриба, В. Смирнов.

² Соловьев был автором ЖЗЛовских биографий И.А. Гончарова, Осипа Сенковского, А.И. Герцена, Гегеля, Ф.М. Достоевского, Д.И. Писарева, Д. Мильтона, Н.М. Карамзина, О. Кромвеля, Ротшильдов, И.С. Тургенева, Генри Томаса Бокля.

знакомстве с Толстым¹. В библиотеке Толстого есть ЖЗЛовская биография Е.А. Соловьева издания 1905 г.²

Важно помнить, что перед нами *первая прижизненная биография* в серии ЖЗЛ. Это означало суженную исследовательскую базу; поэтому Соловьев описал, еще не выкристаллизованный и идеологически не обработанный образ героя *своего времени*. Его «замечательный Толстой» – плоть от плоти идеалов и идиологов начала XX в., продукт вкуса и оценок общества, концентрированное выражение сути общественного сознания, расколотого, противоречивого и тяготеющего к героизации личности в форме индивидуального подвига.

Для Соловьева главным исследовательским источником стали «Исповедь» и крупные художественные произведения писателя. Строго следуя за логикой художественного, он в личной биографии Толстого повторил факты литературной. Детство, Университет, Кавказ, Севастополь и т.д. – не только последовательные точки на его хронологической «карте»; это почти дословный пересказ соответствующих произведений, снабженный общеизвестными фактами из жизни писателя и авторским комментарием. «Биографию Толстого можно смело написать по его собственным произведениям, и она выйдет полной, особенно во всем, что касается душевной жизни великого писателя» [9. С. 154].

Во многом повторяя методологию биографического метода Ш. Сент-Бева со всеми его недостатками, Соловьев, по сути, соединил биографического автора и автора-творца, осуществляя вульгарную прямолинейность в перенесении биографических сюжетов при объяснении художественных. «В большинстве произведений Толстого героем является он сам, его душевное настроение, несомненно им пережитое и пережитое. На эти произведения мы можем смело положиться, как на автобиографические документы из области духовной жизни писателя» [Там же. С. 13].

При этом Соловьев уловил как особенность толстовской стилистики *принцип искренности*, превративший каждое его слово в почти религиозное исповедальное откровение. Он верно заметил, что толстовская сила в том, что писатель пишет и говорит из *собственного убеждения*. Искренность сделала Толстого *открытым* для всевозможных интерпретаций. Соловьев точно заметил не только влияние Руссо на писателя, который «научил быть искренним», но и страстность самой природы писателя, сделавшего его самого совестью своего времени. Откровенность Толстого стала самым подкупающим фактором его восприятия для публики, сделав его кумиром и «объектом» для подражания.

«Исповедь» предстала как самое искреннее произведение переходного времени, «духовная автобиография» и важнейший источник для биографического отождествления обстоятельств жизни Толстого – автора «Испо-

¹ Двухчасовая беседа в 1903 г. в Ясной Поляне отражена в «Одесских новостях» (1903, 13, 17, 22 июля).

² В приложении книги впервые на русском языке был напечатан ответ Л.Н. Толстого на печально знаменитое постановление Синода.

веди» с Толстым – ее героем. Этот подход стал для Соловьева психологической основой снятия покровов «приличия» с интимной сферы – не только в разговоре о личной жизни Толстого, но и о мире его внутренних субъективных переживаний. В то же время Соловьев декларирует такую особенность литературного гения, как *детский взгляд* на вещи. Гений видит не так, как мы, задает не те вопросы, т.е. действует отстраненно от описываемых событий в непосредственной оптике восприятия. Так был почти предугадан, но, конечно, только интуитивно, метод остранения, сближающий Соловьева с будущими формалистами и отдаляющий от собственной биографической методики описания.

Соловьев как социальный «сейсмограф» отразил интенции общественного мнения разночинного читателя, увидевшего в Толстом символ трагического разрыва и классовых противоречий в обществе. Это было время трагической безысходности, так как даже Толстой не смог *ни в чем* примирить аристократическую интеллигенцию и трудовой народ. Это, с точки зрения биографа, оказалось не в его власти, так же как и преодоление своего собственного происхождения («дрожжи старого барства», по выражению Соловьева, невозможно изъять из замеса истории новой жизни).

Марксистская установка сказывается и на итоговых оценках писателя: «Крестьянским трудом вспоен и вскормлен великий художественный талант земли русской, слава и гордость нашей литературы и нашего народа. Говорю все это я без малейшей тени упрёка кому и чему бы то ни было... Благодаря даровому крепостному труду русская литература за каких-нибудь полстолетия стала классической, и ничего подобного ее быстрым успехам в период между созданием “Руслана и Людмилы” и “Анной Карениной” мы не видим даже на Западе» [9. С. 35–36]. Отсюда очевиден «сословный» вывод об исторической ограниченности «времени» Толстого и его закономерной смене «временем» Горького и других пролетарских писателей.

Таким идеологическим «плодом» предстала перед нами первая биография Л.Н. Толстого.

Советская биография Толстого: Виктор Борисович Шкловский (1893–1984)

Понадобилось более полувека, включившего две мировые войны, две революции, смену курсов партии, тоталитаризм и оттепель, чтобы вновь возникла потребность в написании биографии Толстого в серии ЖЗЛ. Идеализированная биография и советская поучительная литература «от КПСС» требовали коррекции самой идеологической системой. Необходим был новый тип биографии для популяризации новых идей (а может быть, и старых, но в новых обертках). Наиболее успешным стал тип *научно-художественной биографии*, рождаемый на стыке факта и стилистики (манеры) описания. Здесь явно шло усиление личностного начала как с точки зрения роли автора, так и образа героя.

В 1959 г. – за несколько лет до выхода биографии Толстого в ЖЗЛ – В.Б. Шкловский в журнале «Знамя» написал заметку о серии ЖЗЛ, указав

на необходимость нового подхода к биографии и пониманию «замечательного человека». «Мы должны создавать биографию, исследуя события, а не беллетризуя их» [10. С. 221]. Отсюда – прямой выход на очень схожие с формальным методом требования «отбора фактов» и «способа анализа» [Там же]. По сути, Шкловский в разговоре о биографии вводит нас в свою собственную творческую лабораторию [Там же]. Ее особенность – в очевидном противоречии между следованием за научными фактами и отнюдь не научной стилистикой их описания.

Отбор фактов и способ их анализа становятся определяющими в описании героя биографии. *Способ анализа* Шкловский отождествил со *стилем изложения*. Декларируя метод соцреализма, он понимал его не как отражение, не как типизацию образа, даже не как мышление образами, но как *совмещение плана жизни героя и исторической картины мира*.

Данная биография, несмотря на все старания автора презреть вкусы толпы, сиюминутное, в каком-то смысле провоцирует / формирует «беллетристическое» – общественное мнение, в том числе и шестидесятников.

Здесь возникает подход литературоведческого перформанса – «перевоплощения» автора в героя. Еще в 1928 г. Шкловский показал «технику работы» автора со своими героями. «Герой делается из материала, он составляется из него как библиотека из книг...» [11. С. 104]. Насколько бы материал не был задан заранее, он не имеет объективной ценности вне авторского творения. Биография Толстого, изданная Шкловским в 1963 г., демонстрирует приверженность автора данной установке. Дело в сознательном или невольном смещении автора и героя, биографии и автобиографии, представлении биографии писателя как романа. По признанию самого Шкловского, он «составляет, как умеет жизнь Толстого», опираясь на его романы, дневники, письма. Характерно, что биографические факты рассмотрены в разряде «прочего»; с его точки зрения, они «тоже нужны», но факультативно, так как «кладут жизнь человека на карту его времени, говоря о том, что было у человека его личное, а что в нем общее, но им самим пережитое» [12. С. 250–251].

В основании толстовской биографии, с точки зрения Шкловского, лежит *творческий акт*. В литературе жизнь как бы очищается от текучего, неуловимого, сюжеты таят «богатый автобиографический материал... Шкловский не проецирует свою жизнь на конкретные события толстовской биографии, а использует литературное осмысление Толстым собственной жизни как повод задуматься над своим писательским творчеством» [13. С. 89–90].

Биография для формалистов – это текст, стилизованная биография, то, что Б.В. Томашевский называл «биографической легендой», предпосылаемой автором своему произведению [14. С. 28]. Ян Левченко назвал это эгалитаризмом [15. С. 194]. Под последним следует понимать экспертное присвоение исследователем языка литературы как «родного», собственного. По сути, это означает субъективное присвоение себе писателя как «объекта». Но это возможно, например, тогда, когда исследователь «уроднен» своему герою «профессионально» и эмоционально, т.е. когда писатель пишет о писателе, которо-

го он любит и хорошо чувствует. В данном случае перед нами биография-роман, написанная одним писателем о другом.

Рассуждая о Толстом, он говорит не столько о нем, сколько «через него» о себе, своих переживаниях и одновременно о судьбе своего поколения [12. С. 190]. Фигура великого русского писателя должна была спасти общество шестидесятников от начавшихся разочарований, доказать возможность жить в переходное / смутное время достойно благодаря высокой миссии идеального, способности увидеть вещи отстраненным взглядом, так, как это делал сам Толстой. Не последнюю роль играла искренность – субъективный подход к истории, в том числе и к своей собственной.

Фактически Толстой Шкловского становится необходим советской интеллигенции так же сильно, как когда-то российской, для которой он всегда был и оставался «зеркалом». При этом Шкловский почти не входит в область критического анализа гражданской позиции Толстого. Писатель остается на своей «романно-мифологической почве» обоснований, не уставая утверждать, что только художественное творчество – истинный ключ к биографии великого человека. «Конечно, Нехлюдов не Толстой, но Толстой где-то рядом и Нехлюдов может оказаться Толстым» [Там же. С. 95].

Из творчества Толстого он понемногу убирает героя-Толстого и подменяет его автором-Шкловским. Он пишет биографию-драму, ведь, если биография не драматична, то она «не может быть реалистичной» [Там же. С. 226].

Прием остранения помог автору открыть определяющие сознание героя «узловые точки» творчества, когда «художник вымышляет образ, исследуя его через события. События могут быть и не выдуманы» [Там же. С. 222]. Эти слова написаны о «Хаджи Мурате», но вполне применимы к биографии Толстого. Шкловский *вымышлял* своего Толстого, опираясь на невыдуманные факты его жизни.

Перефразируя самого Шкловского, можно сказать, что он представил судьбу Толстого, не только зная все обстоятельства его жизни, но и найдя возможность их художественного воплощения. «Вымышлять в биографии – значит выделять главное, существенное и открывать причины событий, связывать явления» [Там же]. Таким образом, биография строится на специальном приеме, делающем повествовательный нарратив остраненным, отличным от описываемой действительности, вымышленным, по словам автора.

Позиция формализма налицо; Шкловский не заново открывает своего Толстого, но через него продолжает борьбу за свой метод, вводя социологическое (историческое) в творческое (биографическое). Мы словно возвращаемся к дискуссиям 1920-х гг. о природе социологического и формального в литературе [16].

Для формалистов принципиальна идея взаимодействия (сцепления, говоря языком Толстого) различных факторов, в том числе литературных и бытовых. Человек (биографически) живет в истории, но его творчество внеисторично, эволюционно. Поэтому «необходимо принципиальное раз-

граничение самих этих понятий – эволюции и истории» [17], следует отказаться от вульгарного параллелизма биографии и творчества.

Во времена дискуссий это выглядело как борьба марксистов и формалистов за определение сути «диалектики базиса и надстройки».

Марксисты были категоричны. «Конечно... никакой перевод эстетической системы с языка искусства на язык социологии, никакое вычитывание базиса из эстетической системы является невозможным... Но представить себе отношение эстетической системы к базису как отношение вещи к материалу – значит ровно ничего не понимать в марксизме» [16. С. 15–16]. Марксизм, в свою очередь, также немного понял в формализме, в требовании преломить факты с художественной точки зрения. Реальность же художественного формалисты понимали как способ вскрытия через литературное творчество противоречий самой действительности. Метод остранения позволил превратить текст в самостоятельную, прямо не связанную с фактами, реальность. Главной интенцией марксистов был вопрос *почему*, формалистов – *как*.

Формализм Шкловского не помешал ему, однако, мифологизировать фигуру Толстого, осмысляя природу мифа в духе отечественных исследований 60-х гг. XX в.¹ Высокий миф о Толстом оказался востребован для «смягчения удара» при смене идеологий и ценностного диссонанса в обществе. Толстой Шкловского и функционально и универсально вобрал в себя всю мощь мифообраза, символизируя собой абсолютную нравственность и идеал, но главным образом став символом искусства в целом. Он, по словам Шкловского, «выразил гений своего народа», а почему именно он – «трудно постижимо» [12. С. 87]. Искусство, выраженное через его творчество, – вечно, «оно идет и не проходит, потому что в сцеплении понятий постигает сущность явлений» [Там же. С. 667].

Попутно Шкловский решал и иную задачу, показав, механизмы работы общественного мнения, разъедающие высокий миф. Важнейшим, как нам показалось, из них стал механизм пошлости – противоположный высокому творческому мифу и идущий от низменного обывательского здравомыслия. Его олицетворением в книге предстала Софья Андреевна Толстая. Толстой боролся со здравым смыслом своего времени, а следовательно, и с ней. «Софья Андреевна была средним человеком, обладающим здравым смыслом, то есть суммой предрассудков своего времени... В одном доме жили люди с разными самосознаниями... она виновата была перед мужем в том, что обращала его мысли в деньги» [12. С. 653–654].

Шкловский, с одной стороны, назвал ее «послом от действительности», с другой – представительницей среднего сословия, принципиально чуждого Толстому, знавшему лишь «помещика и мужика» [Там же. С. 548]. Под здравомыслием жены писателя Шкловский имел в виду сумму предрассудков обывателей, которые, с его точки зрения, присуще были прежде

¹ В это время складывается целое направление исследований по мифу и мифологии. К нему относятся труды А.Ф. Лосева, Е.М. Мелетинского, С.А. Токарева, М.А. Лифшица, О.М. Фрейденберг и др.

всего чиновникам, разночинцам, городским люмпенам. Несмотря на дворянские корни, она «жила как все» [Там же. С. 653], «приперев» дверь толстовского дома «вовнутрь» своим благоразумием. Жена гения оказалась символом мещанского сознания и до конца жизни не сумела, по его мнению, освободиться от своего «близорукого благоразумия» [Там же. С. 846]. Самое печальное, что именно она, по мнению Шкловского, плела все самые грубые интриги и распускала самые нелепые слухи, в том числе о его сумасшествии, называя при этом своего мужа лицемером. «Софья Андреевна невольна и безумно лжет» [Там же. С. 706].

По сути, он пишет занимательную приключенческую историю из жизни аристократа-Толстого, гения, имевшего несчастье прожить жизнь с гораздо менее аристократичной супругой – банальной Софьей Андреевной, которая стала в данной оптике его зеркальным альтер-эго.

Логика обвинений Шкловского вполне понятна и во многом обоснована, но он как будто забыл о тех противоречиях, которые сам же обнаружил у Толстого, как у всякой «замечательной личности». Достаточно предвзято и формально, с нашей точки зрения, рассматривать целое – семью – как механическое соединение плюса и минуса – гения и мещанки. Дело не в том, что Софья Андреевна – *мещанка*, а в том, что Лев Николаевич *пережил* свой идеал женщины-матери и хозяйки, как и свою роль мужа и отца, встав на путь преодоления земного эгоистического субъективного Я своей «животной личности», в поиске интеграции своего всечеловеческого Я с Богом и миром. Она не поняла и не разделила его жизненную философию – в этом ее правда / право и в этом подлинная трагедия этих двух любящих людей.

В финале Шкловский вводит в разговор о Толстом устойчивый архетип дороги, движения, бегства, ухода, наполненного мифопоэтическими обобщениями. Этот архетип станет доминантным для всех последующих описаний биографий Толстого. «Главная тема – уход от мира, безумие которого обнаружено, в крестьянство или хотя бы в городскую бедноту» [Там же. С. 546]. В понимании Шкловского дорога становится единственным пространством для аккумуляции личного времени жизни, отличного от публичности, – времени для себя и времени к «своим».

Биография времен перестройки: Алексей Матвеевич Зверев (1939–2003), Владимир Артемович Туниманов (1937–2006)

В биографии, написанной А.М. Зверевым и В.А. Тунимановым, Толстой вновь предстает героем *переходной* эпохи. Она написана в период распада уже советской империи, когда у миллионов людей появилась надежда (вера) увидеть обновленную Россию, свободную и духовно возрожденную. Но увидели они иную картину нарождающегося капиталистического общества со всеми его «довесками»: люмпенизацией населения, разложением нравов, ростом пьянства, воровства, проституции, нищей старостью и многим другим. Толстой, подзабытый и невостребованный, вновь стал необходим русскому читателю [18. С. 271], так же как и поиск ответа на его сакраментальный вопрос: «Так что же нам делать?»

В отличие от биографии Шкловского, который через увеличительное стекло вещей (вещества) мира стремился увидеть душу писателя, здесь многочисленные примеры реконструкции душевных переживаний Толстого даны через аналитику художественных образов его героев. Авторы умело использовали прием слияния жизненного и творческого, обнаружив зародыши философских и религиозных идей в художественных образах, интимных жанрах писем, дневников, записных книжек.

Перед нами *научно-художественная биография*, которая воссоздается через автобиографического героя и формирование единого нарратива при слитности художественных и интимных дискурсов. «Толстой как будто постоянно смотрит на себя: самоанализ писателя в письмах и дневниках проверяется и дополняется самоанализом его героя» [Там же. С. 274]. Это, пожалуй, первая биография, в которой Толстой представлен в эволюции его творческого мышления, развивающегося от художественного к философскому и от философского к религиозному и духовно-практическому. Формируясь в полемике с сотнями мыслителей прошлого и настоящего, Толстой, как верно заметили авторы, оказался вне историософского пространства XIX в., формируя в ходе скрытой или явной полемики с современниками идею «жизни как пути», включая свой собственный опыт.

Не трудно заметить, что в ЖЗЛ-овской серии каждый биограф Толстого выбирает для демонстрации своей доминантной идеи «репрезентативный» текст. Если для Евгения Соловьева это была «Исповедь», для Виктора Шкловского – письма к тетушке Т.А. Ергольской, то здесь таким корпусом идентичности оказалась переписка Толстого с «бабушкой» – А.А. Толстой, фрейлиной царского двора, настойчивой последовательницей православия и близким другом писателя. Поиск «вечного», главная тема жизни Толстого – «основание новой религии, религии Христа», которая «овладеет его сознанием уже до самого конца жизни» [19. С. 109], оттачивается в бесконечной полемике, прежде всего, с ней – главной представительницей традиционной веры. В каком-то смысле обращение именно к их переписке становится основой рефлексивного понимания природы и сути толстовской религиозности, ее схожести и несхожести с церковной.

Есть у этой книги еще одна изюминка. Она заключается в относительной автономии двух частей. Первая часть, написанная Зверевым, воссоздает духовный образ героя в эволюции его жизненной и творческой биографии, вторая погружает нас скорее в политический и полемический контекст биографии. Туниманов, будучи известным специалистом-достоевистом, невольно зачастую именно Ф.М. Достоевского делает незримым арбитром, в том числе религиозных и политических воззрений Толстого. Нередко в первой и второй части оценки персон и событий представлены весьма контрастно, например фигура Софьи Андреевны или Н.Н. Страхова. В первой части они прописаны сдержанно, зачастую нейтрально, во второй – оба заклеены как «злые гении» Толстого, его оппоненты и «враги».

Несмотря на указанные нюансы, биография внутренне соединена двумя ипостасями Толстого. В этом, может быть, ее уникальность и удача. Нам даны два ракурса, два образа Толстого-художника и мыслителя и Толстого – гражданина и оппозиционера, объединенные единым внутренним стержнем – идеей его изначальной целостности личности. Целостность определена *творчеством*, как процессом и результатом данного уникального соединения. Книга это прекрасно иллюстрирует.

Аналитический язык книги создавал риск «потери» читательской аудитории, не привыкшей читать академические исследования в ЖЗЛ, пусть и занимательно написанные. Ситуацию спасло переходное время. Толстой оказался необходим не просто как писатель. Впервые за многие десятилетия он вновь стал символом активной личности, призывающей к совести и гражданской позиции наших граждан. Его убедительность – в его искренности, которая делает Толстого злободневным и актуальным. Например, один из символов рассказа «Хозяин и работник» – чернобыльник – вызывает у современного читателя ассоциацию с Чернобылем, а «Хаджи Мурат» – с современной чеченской войной. Размышления о героизме воина-Толстого, как и анализ его пацифизма и антимилитаризма, приобретают совсем иную интонационность в контексте этой самой братоубийственной войны, бесславно завершившей XX в. Авторам данной биографии стал жизненно необходим его голос для осуждения этой кавказской бойни и одновременно – для поддержки сотен тысяч русских (и не только) солдат, честно выполнявших свой воинский долг в новой «гражданской войне».

Главным героем этой биографии стал XX в. Он прошел сквозь толстовскую биографию со всем своим глобальным социально-политическим трагизмом и экзистенциальными страхами, межличностными конфликтами и ценностными пертурбациями. Толстой, как мог, пытался предотвратить его кровавый расцвет, был очень мало кем понят в этом.

Цитируя Б.П. Вышеславцева [20], авторы напомнили о самом главном – его религиозно-философском учении о непротивлении злу и неучастии в нем: «Каждый студент юридического факультета умел опровергать “непротивление злу насилием”, и во всех курсах государственного права фигурировал соловьевский “злодей, насилующий ребенка”. Нежели Толстой не понимал, что хорошо и похвально спасти ребенка от злодея при помощи государства? Но он предвидел, что государство займется не только этим, не только борьбой с индивидуальными преступлениями, а вступит неизбежно на противоположный путь, на путь совершения социальных преступлений... самое страшное зло... совершаемое в форме социально организованной, “совершаемое именем закона”... воображающее себя добром» [19. С. 506].

В этой биографии также все завершается дорогой, которая, по мнению биографов, всегда символизирует *уход*... Для них – это путь в иной мир: «уйти можно только в смерть» [Там же. С. 658]. Но, как известно, для Тол-

стого смерти нет. И для него уход был скорее *выходом* – *переходом* (метафизической) действительно в иной мир света, истины и любви.

Биография, написанная Павлом Валерьевичем Басинским

Последняя биография в ЖЗЛ вышла в малой серии в 2017 г. П.В. Басинский нашел, казалось бы, еще один неординарный способ рассказать о Толстом. Он решил описать его жизнь в форме романа, сделав Толстого *произведением*, которое тот, как выясняется, «создавал сознательно» [21. С. 5]. Делал он это, по мысли биографа, прежде всего, в дневниковых откровениях, а также в письмах и записных книжках, в которых, с первой до последней записи, его жизнь была представлена как сочинение – роман под названием «Лев Толстой» [Там же. С. 6].

Такой замысел весьма любопытен и внешне схож с интенциями Шкловского. Однако, будучи еще и ученым-исследователем, а не только писателем, Шкловский не забыл про великое художественное наследие гения, про «упрямые факты» биографии, которые обладают статусом неизменных законов, которые нельзя сочинить или проигнорировать в биографии, про методологию изучения творческого наследия на основе творческого метода, про исторический план и т.д. Здесь все это отсутствует, да и ни к чему. Требование Шкловского отказаться от «вульгарного» параллелизма биографии и творчества было с легкостью доведено до полного отказа от «творчества» в построении «новой» биографии Толстого.

Книга написана в публицистической манере. В ней множество фактов и дат, событий и героев, всем вроде бы известных и в то же время как будто сочиненных самим биографом. В ней есть все, кроме Льва Николаевича Толстого – гениального писателя, религиозного мыслителя, страстного оппонента, счастливого и несчастного, а самое главное – искреннего человека нашей эпохи. Откровенность Толстого обернулась перформансом его жизни, место искренности заняло сочинительство, вместо личности возник вымышленный персонаж по имени «Лев Толстой».

В 50-е гг. XX в. издательство ЖЗЛ утвердило три главных принципа, на которых должна строиться любая биография: научная достоверность, высокий литературный уровень и занимательность. В рассматриваемой биографии Толстого последнее требование явно превалирует над первым и вторым.

Вымысел как прием, безусловно, важен в создании биографии, ибо он «один из основных моментов литературно-художественного творчества, состоящий в том, что писатель, исходя из реальной действительности, создает новые, художественные факты» [22. С. 1069]. Вымышляя факты, Басинский одновременно вымышляет и реальную действительность, превращая ее в фантазию, т.е. создавая беллетризованную биографию. Метод, который был им избран, отвечает одному из принципов ЖЗЛ: максимальной беллетризации всех фактов биографии, развлекательности, тенденциозности и занимательности, максимальной простоте суждений и выводов. *Писатель-Басинский* становится носителем истинного знания о фактах

жизни и мыслей своего вымышленного героя-Толстого. В художественном романе это вполне правомерный прием, который, однако, может ввести в заблуждение читателя серии ЖЗЛ.

Какой же он, Лев Толстой Басинского? Человек, прямо скажем, не симпатичный, не имеющий ничего заветного, самобытного, своего. *Подражание* – его главная черта. При этом, как известно, «подражая, всегда делаешь хуже» [21. С. 37]. Следовательно, Толстой *все* делал хуже других, а стал «супергероем».

Кому же подражал и что делал хуже других герой-Толстой? Как выясняется, *многим* подражал и *многое* делал хуже. Он постоянно подпитывался чужими флюидами (влиянием). Подражал матери, которая оказала «мистическое влияние» [Там же. С. 17]; отцу, который подарил «неверие в смерть» [Там же. С. 27]; душевные основания религии были «заложены в нем Татьяной Александровной Ергольской» [Там же. С. 33]; Сергею подражал в стремлении быть *comme il faut*; Николаю – в писательстве, Мите в идее опрощения [Там же. С. 39–40]. Даже с Тургеневым он рассорился, так как «просто боялся в очередной раз попасть под влияние более успешного и удачливого человека» [Там же. С. 89]. Ко всему прочему, Толстой Басинского, с юности был развратный эротоман [Там же. С. 97], человек, с ранним развратом души и тела, что никак не прибавляет симпатии к нему. Что же в нем было от себя? Да, ничего, кроме того, что «он – Лев Толстой» [Там же. С. 41].

После этого Басинский ставит задачей *разоблачить* мифотворчество, каким окружена была жизнь Толстого. Он весьма оригинально «очищает» Толстого от одной мифологии, погружая своего героя в иную – художественную (авторскую) мифологию. В качестве приема в изложении материала используется своеобразная триада: а) «миф о Толстом»; б) его «разоблачение»; в) рассказ, как это было «на самом деле» (весьма частотное выражение в книге).

В книге так много мифо-сюжетов, что трудно выбрать что-то определенное. Ограничимся одним рассуждением, например о религиозности Толстого. Сначала приводится известное утверждение о Толстом как основателе новой религии, о которой он «мечтал» с юности. Затем оно опровергается другим утверждением о том, что знаменитая дневниковая запись 1855 г. «разговора о божественном» «на самом деле» была сделана после церковной исповеди во время перерыва в военных действиях: «...при этом не замечают, что, перед тем как делать эту запись, Толстой, *по-видимому* (курсив наш. – С.К.), причастился у армейского священника (отсюда разговор о божественном и вере). Так считает исследователь религиозных взглядов Толстого священник Георгий Ореханов» [21. С. 76]. В итоге война, смерть и ужас подсказали ему идею некой «практической религии», которая была отнюдь не порождением рационалиста и пустого эгоиста, но будущей религией спасения [Там же. С. 77]. О чем же идет речь и чем «практическая религия» – христианство не удовлетворила его, неясно. Герой Басинского *вымышлен* от начала и до конца. Автору, кажется, удалось

возбудить читательский интерес к жареным фактам, «одиозности и странностям» писателя и одновременно «возвысить» читателя над героем. Окупаемость книг, безусловно, возрастает пропорционально занимательности и легкости чтения.

Симптоматично, что Басинский, подобно Шкловскому, главным «эмпирическим источником» биографии считал письма Толстого к тетушке Т.А. Ергольской, в которых последний якобы дал проектирование своей жизни как романа. Получается, что и здесь Толстой – подражатель... самому «себе»: своей собственной вымышленной / сочиненной семье, которую он хочет воссоздать в яснополянском раю и тем самым «исправить ошибку Бога» [21. С. 91].

При этом Басинский не прочь и сам стать корректором жизненного проекта Толстого. У писателя на это есть все права. Так, в главе *Роковая ошибка* он уверенно находит истоки семейной трагедии Толстого в том, что тот показывал Дневники невесте. «Он сразу давал ей понять, что она выходит замуж за мужчину с достаточно богатым сексуальным опытом. На самом деле этика XIX века такое положение вещей не только не осуждала, но даже приветствовала. Опытный в сексуальном отношении муж – лучше, чем ничего не знающий в этих вопросах юноша. И конечно, Берсы (наверное, и сама Сонечка) догадывались, что у Толстого были связи с женщинами. Возможно, что они знали, что в Ясной Поляне живет внебрачный сын Толстого» [Там же. С. 112]. Под этикой, скорее всего, понимается все то же пресловутое общественное мнение, которое автор не упускает из своей оптики ни на минуту.

О внутреннем мире Толстого, о его беспощадной саморазоблачительности, бесконечных переживаниях и саморефлексии в дневниках Басинский пишет в явно ироническом стиле. Толстой, который непрерывно следил за своим ростом, внутренним развитием, двигаясь от предчувствий истин к самим истинам и обратно – в сомнение и переживание, превратился в «шпиона» и «согладатая» за собой. Данные метафоры вносят экспрессивно-негативный оттенок в сложнейшую задачу дневников – передать все нюансы внутреннего мира – переживания, сознания, амбивалентных эмоций, искренних слов человека о себе на протяжении пятидесяти лет жизни, превращая трагедию в комедию выжившего (в итоге) из ума писателя.

В этой «аналитике» нет размышлений о «расслоении “я” на героя и повествователя, действующих в разное время» в дневниковых записях [23. С. 27]. «Смотритель, теоретик» (выражение В.В. Библихина [24]) легко превратился в «шпиона», а смотрение, которое было основой творческой рефлексии, превратилось в данной биографии в водевильную насмешку над бесконечной работой ума и совести Толстого, шпионившего за своим хозяином (что-то похожее на шварцевскую «Тень»).

Хотелось бы завершить обзор этой последней биографии в ЖЗЛ словами Л.Н. Толстого из позднего дневника: «*Я потерял память всего, почти всего происшедшего... Как не радоваться потере?*»

Заключение

На отдельном примере мы стремились понять, как и для чего издаются биографии великих людей, что такое людская память и насколько она производна от профессиональной или исторической. Издательство как чуткий барометр улавливает ход времен, сохраняя в своих публикациях ориентацию на общество и общественное мнение. Каждая биография Толстого позволяет нам заглянуть в историко-социологический контекст ее формирования. Прижизненная биография Соловьева наглядно демонстрирует сословно-классовый подход, отражая не только позицию автора, но и тенденции самого издательства, ориентированного на массового читателя и образовательную парадигму. Е.А. Соловьев пишет о Толстом, уже захватившем умы человечества, уже ставшем пророком, великим учителем, совестью не только для России, но и для всего мира. Соловьевская биография «дышит» таким Толстым. Советская биография, написанная В.Б. Шкловским, являет собой демонстрацию «остранения» особого рода. Сквозь текст и советские языковые клише читатель почти художественно погружается в особый жизненный мир Толстого, вне и помимо идеологии соцреализма с его материалистической «победой» бытия над сознанием. В биографии, написанной А.М. Зверевым и В.А. Тунимановым, мы узнаем не только Толстого – художника и философа, но и собственную эпоху, нуждающуюся в толстовской правде и беспощадной критической рефлексии по поводу утраты самых важных человеческих ценностей в процессе утилитаризации и капитализации нашего времени. Авторы наглядно показали, что нам нужен Толстой-гуманист, духовный учитель и идеолог непротivления злу насилieм. Биография, написанная В.П. Басинским совсем по-иному возвращает нас к дню сегодняшнему, становится правдой об обществе, живущем слухами, анекдотами, мифами, стремящемся к простоте восприятия и понимания, даже если речь идет о научной биографии.

Четыре биографии Л.Н. Толстого оказались не только репрезентантами публичного – общественного времени, общественного вкуса, но и своеобразным отражением его особенностей на протяжении более чем столетия. Биографии отразили историческую динамику страны. На каждом витке Толстой оказывался «зеркалом» русской, советской и постсоветской интеллигенции. Толстой был и совестью, и великим писателем и мыслителем, и гражданином, и даже «пустяшным малым». Все биографии объединяет склонность к идеализации и одновременно мифологизации его образа.

Не стоит сравнивать, какая биография лучше или хуже. Каждая, по своему, уникальна и информационно насыщена. И дело не только в фактах, методах или путях анализа, но и в уникальной способности говорить о вечном на языке времени, раскрывать всеобщее через мнения, интересы и язык, доступные обществу.

Толстой всегда таков, каково общество, его почитающее или судящее. Как видно, и авторы биографий, и обыватели любят Толстого, как преданная жена, и предадут его, как она же – «горестно, завистливо и тщеславно» (Шкловский).

Обессилить же его образ нельзя никакими наветами, мнениями и биографиями. Подобно Заратустре через века он будет возвращать человека в радостное дело самопознания, самооткровения, «переоценки ценностей», а его книги продолжат приносить подлинное наслаждение и радость приобщения к русской культуре. Биографическая «жизнь» Л.Н. Толстого продолжается.

Литература

1. *Непомятая Т.Ф.* Книги о замечательных людях как тип издания: (Серия ЖЗЛ издательства «Молодая гвардия»); автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1969. 17 с.
2. *Рассудовская Н.М.* Издатель Ф.Ф. Павленков. М. : Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1960. 108, [2] с.
3. *Померанцева Г.Е.* Биография в потоке времени. ЖЗЛ: замыслы и воплощения серии. М. : Книга, 1987. 335 с.
4. *Тун-Хоенштайн Ф.* В лаборатории советской биографии: серия «Жизнь Замечательных Людей», 1933–1941 гг. // Человек и личность в истории России, конец XIX – XX век. History and subjectivity in Russia : материалы международного коллоквиума: Санкт-Петербург, 7–10 июня 2010 г. СПб., 2013. С. 437–452.
5. *Басинский П.В.* Лев Толстой: бегство из рая. М. : АСТ, 2010. 636 с.
6. *Басинский П.В.* Святой против Льва: Иоанн Кронштадтский и Лев Толстой: история одной вражды. М. : АСТ, 2013. 572 с.
7. *Басинский П.В.* Лев в тени Льва: история любви и ненависти. М. : АСТ, 2014. 509 с.
8. *Соловьев Е.А.* Опыт философии русской литературы. СПб., 1905. 418 с.
9. *Соловьев Е.А.* Л.Н. Толстой, его жизнь и литературная деятельность : биограф. очерк. ЖЗЛ. СПб., 1894. 160 с.
10. *Шкловский В.Б.* Жизнь замечательных людей // Знамя. 1959. № 3. С. 218–223.
11. *Шкловский В.Б.* Гамбургский счет. СПб. : Изд. писателей Ленинграда, 1928. 490 с.
12. *Шкловский В.Б.* Лев Толстой. М. : Молодая гвардия, 1963. 864 с.
13. *Томэ Д, Шмид У., Кауфманн В.* Вторжение жизни : Теория как тайная автобиография / пер. с нем. М. Маяцкого. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2017. 336 с.
14. *Томашевский Б.В.* Литература и биография // Книга и Революция. 1923. № 4. С. 130–145.
15. *Левченко Я.С.* Другая наука : Русские формалисты в поисках биографии. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2012. 304 с.
16. *Переверзев В.Ф.* «Социологический метод» формалистов // Литература и марксизм. Журнал теории и истории литературы. 1929. Кн. 1. С. 1–26.
17. *Эйхенбаум Б.В.* Вопрос о литературной эволюции // На литературном посту. 1927. № 10. С. 42–48.
18. *Гродецкая А.Г.* Живая жизнь в контексте вечности // Русская литература. 2008. № 1. С. 271–274.
19. *Зверев А.М., Туниманов В.А.* Лев Толстой. М. : Молодая гвардия, 2006. 782 с.
20. *Вышеславцев В.П.* Лев Толстой / Вышеславцев // Русская земля: альманах для юношества (ко Дню русской культуры). Paris : Изд. религ.-пед. кабинета : Ymka Press, 1928. С. 92–97.
21. *Басинский П.В.* Лев Толстой: Свободный человек. М. : Молодая гвардия, 2017. 302 с.
22. *Краткая литературная энциклопедия* : в 9 т. М. : Сов. энцикл., 1967. Т. 1.
23. *Паперно И.* «Кто, Что Я?» : Толстой в своих дневниках, письмах, воспоминаниях, трактатах / пер. с англ. Ирина Паперно. М. : НЛЮ, 2018. 232 с.
24. *Бибихин В.В.* Дневники Льва Толстого. М. : Изд. Ивана Лимбаха, 2012. 478 с.

“I Have Lost the Memory of Everything, Almost Everything That Has Been . . . How Can One Not Rejoice at the Loss of Memory?” (Reflections on Leo Tolstoy’s Four Biographies in the ZhZL Series)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 65. 204–221. DOI: 10.17223/19986645/65/13

Svetlana M. Klimova, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: sklimova@hse.ru

Keywords: Tolstoy, public opinion, mythology, biographical paradigms.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-18-00100.

The research interest in the article is focused on Leo Tolstoy’s four biographies in the *Lives of Remarkable People* (ZhZL) publishing series. The first lifetime biography appeared in 1894, and the last one in 2017. Emphasis is placed on the “public” biography, which reflects the specificity of time and the “public” opinion of the general reader. This biography includes both real and fictional components. It was written according to the laws of any creative work often with a mythological touch. The subject-matter of the study was the “mass” image of Tolstoy created by the biographers of the series. The image is analyzed through the prism of a specific ideologically loaded time that reflects the historical demand for a heroic image. The article consistently shows the transformation of this heroic image that occurs due to the change in the genre features of the biography, due to historical collisions and literary methods the biographers used, their attitudes to the public (ideological) and subjective (myth-making) reading of Tolstoy’s biography. The change of genres is described: from biographical essays to popular scientific biographies. The relationship and features of the ZhZL series published by F.F. Pavlenkov and M. Gorky are shown. Each biography is constructed according to the author’s methodology, becoming its peculiar “result”. E.A. Solovyov relied on the biographical method, V.B. Shklovsky relied on the formal one, whereas A.M. Zverev and V.A. Tunimantov reconstructed Tolstoy’s spiritual experiences through the analysis of his artistic images. P.V. Bassinsky created Tolstoy’s biography maximally fictionalizing its facts and using the method of fiction. A special attention is paid to the time of the creation of Tolstoy’s biographies in the ZhZL series. Apart from the pre-revolutionary edition, the publishing house addressed to Tolstoy at the critical moments of history: the Thaw, the Perestroika, and in our time. Tolstoy was always in demand during the periods of spiritual crises and the devaluation of values. Telling about Tolstoy, his biographers tried to speak “through” him about their times, about their worship of the intelligentsia. At each turn of history, Tolstoy turned out to be a “mirror” of the Russian, Soviet and post-Soviet intelligentsia. Tolstoy was both a conscience, a great writer and thinker, a citizen, and even a “trivial little man”. All the biographies have a common tendency to idealize and, at the same time, to mythologize his image. Tolstoy’s four biographies turned out to be not only the representatives of the public and social time and taste, but also a kind of their reflection for more than a century. One should not compare which biography is better or worse. Each, in its own way, is unique and informative. And it is not just a question of genre, facts, methods or ways of analysis, but a question of the ability to speak about the eternal through the prism of the time, to reveal the universal through facts, opinions, interests, and language accessible to society. The ZhZL series is a unique edition that demonstrates not only a certain level of development of society, but also allows us to understand social interests and needs in a particular historical layer.

References

1. Nepomnyashchaya, T.F. (1969) *Knigi o zamechatel'nykh lyudyakh kak tip izdaniya (Seriya ZhZL izdatel'stva "Molodaya gvardiya")* [Books about remarkable people as a type of publication (ZhZL Series of the Molodaya Gvardiya publishing house)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
2. Rassudovskaya, N.M. (1960) *Izdatel' F.F. Pavlenkov* [Publisher F.F. Pavlenkov]. Moscow: Izd-vo Vsesoyuznoy knizhnoy palaty.

3. Pomerantseva, G.E. (1987) *Biografiya v potoke vremeni. ZhZL: zamysly i voploshcheniya serii* [Biography in the flow of time. ZhZL: Plans and embodiments of the series]. Moscow: Kniga.
4. Tun-Khoenshtayn, F. (2013) [In the laboratory of Soviet biography: The series Lives of Remarkable People, 1933–1941]. *Chelovek i lichnost' v istorii Rossii, konets XIX–XX. History and subjectivity in Russia*. Proceedings of an international colloquium Saint Petersburg. 7–10 June 2010. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 437–452. (In Russian).
5. Basinskiy, P.V. (2010) *Lev Tolstoy: begstvo iz raya* [Leo Tolstoy: Flight from Paradise]. Moscow: AST.
6. Basinskiy, P.V. (2013) *Svyatoy protiv L'va: Ioann Kronshtadtskiy i Lev Tolstoy: istoriya odnoy vrazhdy* [Saint versus Leo: John of Kronstadt and Leo Tolstoy: A story of one enmity]. Moscow: AST.
7. Basinskiy, P.V. (2014) *Lev v teni L'va: istoriya lyubvi i nenavisti* [Lev in Leo's Shadow: A Story of Love and Hate]. Moscow: AST.
8. Solov'ev, E.A. (1905) *Opyt filosofii russkoy literatury* [An experience of the philosophy of Russian literature]. Saint Petersburg: Znanie.
9. Solov'ev, E.A. (1894) *L.N. Tolstoy, ego zhizn' i literaturnaya deyatelnost'. Biograficheskii ocherk* [Leo Tolstoy, his life and literary activity. A biographical essay]. Saint Petersburg: Bankovskaya skoropechatnaya inzh. I. G. Gershuna. ZhZL series.
10. Shklovskiy, V.B. (1959) *Zhizn' zamechatel'nykh lyudey* [The Lives of Remarkable People]. *Znaniya*. 3. pp. 218–223.
11. Shklovskiy, V.B. (1928) *Gamburgskiy schet* [Hamburg reckoning]. Saint Petersburg: Izd. pisateley Leningrada.
12. Shklovskiy, V.B. (1963) *Lev Tolstoy*. Moscow: Molodaya Gvardiya. (In Russian).
13. Thomä, D., Schmid, U. & Kaufmann, V. (2017) *Vtorzhenie zhizni. Teoriya kak taynaya avtobiografiya* [The March of Life: Theory as Secret Autobiography]. Translated from German by M. Mayatskiy. Moscow: HSE.
14. Tomashevskiy, B.V. (1923) *Literatura i biografiya* [Literature and biography]. *Kniga i Revolyutsiya*. 4. pp. 130–145.
15. Levchenko, Ya.S. (2012) *Drugaya nauka. Russkie formalisty v poiskakh biografii* [A different science. Russian formalists in search of a biography]. Moscow: Izd. dom Vyssh. shk. ekonomiki.
16. Pereverzev, V.F. (1929) “Sotsiologicheskii metod” formalistov [Formalists’ “sociological method”]. *Literatura i marksizm. Zhurnal teorii i istorii literatury*. 1. pp. 1–26.
17. Eykhenbaum, B.V. (1927) *Vopros o literaturnoy evolyutsii* [The issue of literary evolution]. *Na literaturnom postu*. 10. pp. 42–48.
18. Grodetskaya, A.G. (2008) *Zhivaya zhizn' v kontekste vechnosti* [Living life in the context of eternity]. *Russkaya literatura*. 1. pp. 271–274.
19. Zverev, A.M. & Tunimanov, V.A. (2006) *Lev Tolstoy*. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russian).
20. Vysheslavtsev, V.P. (1928) *Lev Tolstoy*. In: Chernyy, A.M. & Zen'kovskiy, V.V. (eds) *Russkaya zemlya: al'manakh dlya yunoshstva (ko Dnyu russkoy kul'tury)* [Russian land: An almanac for youth (On the Day of Russian culture)]. Paris: izd. relig.-pedagogich. kabineta: Ymka Press. pp. 92–97.
21. Basinskiy, P.V. (2017) *Lev Tolstoy: Svobodnyy chelovek* [Leo Tolstoy: A Free Man]. Moscow: Molodaya gvardiya.
22. Surkov, A.A. (ed.) (1967) *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya: v 9 t.* [Concise Literary Encyclopedia: In 9 Volumes]. Vol. 1. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
23. Paperno, I. (2018) “Kto, Chto Ya?”. *Tolstoy v svoikh dnevnikakh, pis'makh, vospominaniyakh, traktatakh* [“Who, What Am I?” Tolstoy in his diaries, letters, memoirs, treatises]. Translated from English by Irina Paperno. Moscow: NLO.
24. Bibikhin, V.V. (2012) *Dnevnik L'va Tolstogo* [Diaries of Leo Tolstoy]. Moscow: Izd. Ivana Limbakha.